

На правах рукописи

Бадрызлова Ольга Владимировна

**ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА В. РАСПУТИНА
В ГЕРМАНИИ (1970-1980гг.)**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень 2005

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» на кафедре истории русской литературы

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Ю.А. Мешков**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Ю.А. Дворяшин**

кандидат филологических наук,
доцент **М.В. Проколова**

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится 22 апреля 2005г. в 10.00 на заседании диссертационного совета К 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003 Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 325.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан 21 марта 2005г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор*

Л.А. Вараксин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Валентин Распутин – один из тех художников слова, чье творчество повлекло за собой в 70-80-е годы XX века возрождение интереса западного читателя к русской литературе вообще. На Западе четко осознавалось, что распутинские произведения представляют собой неотъемлемую часть того художественного явления, которое получило название «деревенская проза» и оказалось лишь литературным компонентом целого исторического процесса, происходившего в те годы в Советском Союзе. По утверждению немецкого слависта А.Хирше, деревенская проза – это «больше, чем просто литература, чем тема, это художественно выраженное отношение к жизни, к смыслу человеческого существования»¹. Первым, кто способствовал международному признанию этой прозы, был Валентин Распутин. Именно он, подчеркивает А.Хирше в работе «Советская деревенская проза. История и проблематика», стал тем писателем, который своим творчеством обратил внимание и на других представителей этого художественно значимого явления.

Стремительно войдя в русскую литературу, В.Распутин также стремительно обрел и мировую известность. Его знаменитые повести «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976) и большинство рассказов («Рудольфио» 1966, «Василий и Василиса» 1967, «Встреча» 1969, «Уроки французского» 1973, «Наташа» 1982, «Что передать вороне?» 1982 и др.) переведены на многие языки народов бывшего СССР, а также на болгарский, венгерский, польский, финский, чешский, испанский, норвежский, английский, немецкий, французский языки.

Творчеству русского писателя в отечественном литературоведении посвящен целый ряд работ обобщающего характера, написанный в жанре

¹Hiersche A. Sowjetische Dorfprosa – ein literarisches Phänomen des entwickelten Sozialismus // Weimarer Beiträge. 1980. №4. S.5.

очерка жизни и творчества. Это – книги Н.Котенко, И.Панкеева, С.Семеновой, Н.Тендитник, дающие – особенно в своей совокупности – полное и верное представление о Валентине Распутине – об основных вехах его биографии, сюжетных и тематических особенностях его произведений, о месте его в современном литературном процессе и общественной жизни.

В работах частного характера российские ученые свое внимание направляют на изучение психологического мастерства писателя (А.Ануфриев, А.Урманов), на выявление жанровых и стилевых особенностей его произведений (Ю.Дворяшин), на установление этико-философской проблематики (Г.Белая, А.Газизова) и литературной преемственности (Ю.Дворяшин, Н.Драгомирецкая) его творчества.

В последнее время огромный интерес вызывает у литературоведов и процесс постижения писателем национальной сущности русского человека, который формулируется ими в проблему национального характера в прозе В.Распутина (Т.Гришенкова, И.Попова).

Несмотря на многочисленность и многоплановость работ по творчеству В.Распутина, в отечественном литературоведении явно ощущается недостаток исследований, где художественный опыт писателя был бы соотнесен с современным мировым литературным процессом, что, учитывая подлинно мировую известность писателя и наличие работ о нем за рубежом, вполне оправдано. В некоторой степени этот пробел в осмыслении творчества В.Распутина восполняют труды А.Большаковой, которая в рамках деревенской прозы выводит писателя на мировой уровень и сопоставляет его прозу с прозой англоязычных стран мира.

О восприятии распутинских произведений отдельно в ГДР и отдельно в ФРГ писали и русские (В.Сорокина, Б.Хирш) и немецкие литературоведы (В.Казак, К.Каспер, Е.Кауфман, Г.Ольшовский, Н.Тун, Р.Шэпер). Но комплексного исследования, где бы рассматривалось и сравнивалось восприятие

творчества русского писателя в Западной и Восточной Германии до сих пор не существует. Диссертационное исследование, *целью* которого является изучение восприятия творчества В.Распутина на Западе и Востоке Германии в 1970-80-е годы, призвано восполнить этот пробел. Предпринимаемое нами решение этой задачи обуславливает **научную новизну** диссертации.

Творчество В.Распутина невозможно рассматривать вне рамок того стилевого направления отечественной литературы, которое получило название «деревенская проза». Поэтому в работе значительное место отводится анализу этого явления современным отечественным литературоведением, а также выявлению его истоков и общезначимости для всей мировой культуры.

Исходя из цели, мы формулируем следующие **задачи** исследования:

1) показать общезначимость явления деревенской прозы, определяемой нами как один из вариантов проявления литературного архетипа Деревня², для русской и немецкой литератур;

2) указать на сходства и отличия ментальных характеристик русского и немецкого народов в реализации литературного архетипа Деревня;

3) систематизировать, осмыслить и сравнить все доступные материалы критической рецепции творчества В.Распутина в ГДР и ФРГ;

4) показать через анализ вариантов перевода повести «Живи и помни» значение художественного перевода как основной формы восприятия творчества инационального писателя, а также роль смысловой точности и адекватности передачи художественных особенностей произведения.

Широкое восприятие произведений В.Распутина на Западе Германии началось в 1976 году с публикации перевода повести «Последний срок» («Die letzte Frist»). В этом же году была переведена «Живи и помни» («In den Wäldern die Zuflucht»). Третьей повестью, которая привлекла к себе внимание западных

²Здесь и далее архетипический термин Деревня употребляется, как это принято в таких случаях в научной практике, с большой буквы и без кавычек.

немцев, стала «Прощание с Матерой» («Abschied von Matjora»), вышедшая в свет в 1977 году. Все три повести были переведены А.Кэмпфе и переиздавались по нескольку раз. Однако еще задолго до появления первых переводов распутинских произведений немецкий читатель уже имел возможность познакомиться с творчеством В.Распутина. Это произошло благодаря западногерманскому слависту В.Казак, который, прекрасно владея русским языком и литературой, опираясь на оригиналы распутинских повестей, а также литературоведческие и критические заметки, вышедшие в Советском Союзе, дал в целом ряде своих статей, опубликованных в журнале «Osteuropa» с 1975 по 1978 годы, довольно четкое представление о жизни и творческом пути русского писателя.

В Восточной Германии читать, изучать и переводить В.Распутина начали несколько позже, но более активнее. В 1977 году одновременно появились переводы повестей «Деньги для Марии» («Geld für Maria») Ю.Эльперина, «Последний срок» («Die letzte Frist») Э.Тиле, «Живи и помни» («Leb und vergiß nicht») Э.Ардта, а также переводы рассказов «Василий и Василиса» («Wassili und Wassilissa») А.Мекель и «Уроки французского» («Französischstunden») Х.Ангаровой. Подчеркнем, что все переводы выполнялись разными переводчиками. Дискуссия о творчестве В.Распутина получила новые импульсы и после публикации в 1978 году повести «Прощание с Матерой» («Abschied von Matjora»), которая существует в ГДР в двух вариантах. Один был сделан Э.Тиле, другой – Е.Панциг. В этом же году В.Распутин по приглашению издательства «Volk und Welt» посетил Восточную Германию. Согласно фактам биографии и творчества В.Распутина, тщательно собранным Н.Тендитник, в период с 1976 года по 1987 год писатель четыре раза был в ФРГ и только один раз в ГДР.

Предложенные читателю ГДР произведения «Вниз и вверх по течению» (1980), повесть «Пожар» (1985), сборник рассказов «Век живи – век люби» (1985), который, кроме заглавного, включает рассказы «Что передать вороне?»,

«Наташа», «Не могу-у...», «Встреча», «А мама куда-то ушла», «Старуха», были замечены, но широкого отклика в ГДР не нашли.

О популярности В.Распутина среди немцев свидетельствуют и многочисленные театральные постановки его повестей «Деньги для Марии» (Магдебург, 1978), «Живи и помни» (Халле, 1983), а также создание фильмов «Василий и Василиса» (Берлин, 1978) и «Прощание» (Берлин, 1987).

Что привлекает немецких литературоведов и критиков в творчестве Распутина и что остается незаметным для их исследовательского взора, каковы особенности осмысления распутинского художественного мира в иной культурно-языковой среде – эти вопросы актуальны для постижения, в первую очередь, своеобразия распутинского таланта. Взгляд на писателя из другой, инонациональной среды позволяет, как считает Ю.Левин, «глубже понять и оценить творчество переводимого писателя, открыть в этом творчестве такие черты и особенности, которые остались бы скрытыми, если рассматривать одно лишь внутринациональное его усвоение»³.

Знакомство с немецкими литературоведческими работами, их критическое усвоение позволяет не только глубже понять подлинное значение творчества В.Распутина, четче обозначить оригинальность его художественного стиля, но и ввести в научный оборот показательные моменты осмысления прозы писателя немецкой славистикой, что придает **актуальность** диссертационному исследованию.

В основу диссертации положена проблема восприятия инонационального писателя, которая в сравнительном литературоведении, изучающем взаимосвязи национальных литератур, по существу является центральной. Несмотря на всю важность и значимость данной проблемы, отечественные литературоведы располагают на сегодняшний день лишь единицами теоретических работ, где этот вопрос освещен наиболее последовательно. В их числе назовем статьи Ю.Левина

³Левин Ю. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С.6.

«Восприятие творчества инациональных писателей» (1974) и А.Гиривенко «Проблема восприятия творчества инационального писателя» (1988).

Основоположники сравнительного литературоведения академики В.Жирмунский (1891-1971) и М.Алексеев (1896-1981), разработавшие научную методологию сравнительно-исторических исследований литературы, последовательно направляли научный поиск на решение конкретных тематических задач с целью накопить фактические данные, отталкиваясь от которых станет возможным сделать необходимые теоретические обобщения.

Работы ученых (Р.Данилевский, М.Коренева, Е.Тарасова, Г.Тиме и др.), занимающихся русско-немецкими литературными взаимосвязями, показывают, что процесс накопления фактов восприятия творчества инационального писателя еще далек от своего завершения, но сами исследования становятся глубже и теоретически оснащенные. В них внимание заостряется на каком-то отдельном аспекте интересующей нас проблемы. В основном исследуется либо критическое истолкование произведений конкретного писателя в принимающей стране, либо влияние творчества этого писателя на литературный процесс страны и усвоение его творческих методов. Диссертационное исследование являет собой попытку комплексного представления проблемы включения творчества инационального писателя, в нашем случае Валентина Распутина, в литературный процесс Германии. Это включение, считает Ю.Левин, должно осуществляться в трех основных аспектах: 1) перевод, 2) критическое истолкование, 3) творческое усвоение.

Исследование особенностей восприятия прозы В.Распутина базируется также на проблеме соотношения и связей двух культур, двух разнонациональных ментальных миров: русских и немцев. Эта проблема связана с целым рядом актуальных для современного человека вопросов о духовно-исторических связях между Россией и Западом, а также о своеобразии русского культурного наследия. Изучением взаимосвязей немецкой и русской литератур занимается сравнительно-

историческое литературоведение, в основе которого лежат типологический метод, используемый нами для выявления типовых соответствий и национального своеобразия обеих литератур, и историко-генетический метод, применяемый в диссертационном исследовании для установления генетических связей распутинской прозы с русской классической литературой и мировой литературой в целом. Наше внимание, таким образом, полностью сосредотачивается на вопросах, находящихся в кругу интересов компаративистики.

На сегодняшний день сравнительное литературоведение должно идти в глубь типологических ментальных пластов. «Только на этом уровне может проходить поиск генетико-типологических схождений, общего, типического, повторяемого. И только такой поиск может быть основой любого сравнительного анализа» – считает современная исследовательница деревенской прозы А.Большакова⁴. Сущностной единицей такого анализа становится ментальная модель, архетип. Теория литературного архетипа, первоначально поставленная в психологической науке К.Юнгом, широко используется и в литературоведении (Е.Мелетинский, В.Топоров и др.). Эта теория позволяет, на наш взгляд, глубже проникнуть в суть феномена деревенской прозы и решить проблему включения произведений советской литературы в мировой литературный процесс. Единая онтологическая основа мировых менталитетов и общезначимость архетипа Деревня позволяют говорить о всемирной распространенности деревенской прозы.

Объектом диссертационного исследования являются критико-литературоведческие работы западногерманских (М.Агдештайн-Вагнер, Р.Бирман, В.Казак, И.Майхель, Е.Сахно, Р.Шэпер, В.Шмид и др.) и восточногерманских (В.Байтц, Г.Витте, К.Каспер, Е.Кауфман, И.Новотный, Т.Решке, Б.Тесмер, Э.Тиле, Н.Тун, А.Хирше и др.) исследователей творчества В.Распутина. Нами привлекаются также труды отечественных литературоведов,

⁴ Большакова А. Типология и менталитет // Филологические науки. 1996. №6. С.5.

занимающихся осмыслением сути деревенской прозы (П.Басинский, Г.Белая, А.Большакова, В.Бондаренко, А.Бочаров, Ю.Дворяшин, И.Дедков, Л.Ершов, Н.Котенко, В.Курбатов, А.Лапченко, А.Овчаренко, А.Панков, С.Семенова, Е.Старикова, В.Сурганов, Н.Тендитник, Л.Теракопян и др.).

Кроме того, поскольку перевод является одним из основных моментов включения творчества инонационального писателя в литературно-исторический процесс принимающей страны, в поле нашего внимания оказываются два варианта перевода повести «Живи и помни» на немецкий язык. Выбор данной повести в качестве объекта сравнительного анализа обусловлен двумя причинами. Во-первых, «Живи и помни» в творчестве В.Распутина – единственное произведение, которое, так или иначе, касается темы Великой Отечественной войны, являющейся в Германии в 1970-80-е годы темой чрезвычайно актуальной. Поэтому было бы интересно проследить, как западный и восточный немец осмысливают эту повесть с точки зрения военной проблематики. Во-вторых, «Живи и помни» также является единственным произведением, название которого в одном из вариантов перевода не совпадает с оригинальным.

Предметом исследования становятся особенности восприятия творчества В.Распутина в ГДР и ФРГ в 1970-80-е годы и последующее за этим их сравнение.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Творчество В.Распутина в Германии в 1970-80-е годы изучалось в рамках деревенской прозы, которая, благодаря единой онтологической основе мировых ментальностей и всеобщей значимости архетипа Деревня, оказалась востребованной в большинстве стран мира.

2. На Западе Германии восприятие творчества В.Распутина в 1970-80-е годы осуществлялось в русле таких актуальных для этого времени проблем, как утрата идеала, отчуждение человека и поиск его идентичности, проблем, повлиявших не только на характер литературоведческих исследований,

но и на переводы произведений русского писателя. Западные исследователи занимаются также изучением его новаторской поэтики, которая напрямую связывается ими с отходом от использования в литературе метода социалистического реализма. В итоге проза В.Распутина противопоставляется прозе о колхозной деревне 1930-50-х годов и рассматривается как продолжательница классической русской литературы.

3. Восток Германии в своем осмыслении прозы В.Распутина шел вслед за советскими исследователями, уделяя особое внимание тематической, идейно-содержательной стороне произведений писателя, а также проблемным вопросам, актуальным для всего человечества. Свое недоумение по поводу причин поведения распутинских героев восточные литературоведы списывали на различие ментальных характеристик людей разной национальности, на особое мировоззрение русского человека и объясняли понятием «загадочной русской души».

4. Залогом адекватного восприятия творчества В.Распутина как западным, так и восточным немцами явился содержащийся в нем нравственный потенциал. Общечеловеческие проблемы стали главным средством коммуникации между писателем и иностранным читателем, представляя то общее, что связывает произведения В.Распутина с мировой литературой.

5. Существующие на немецкой земле переводы повести В.Распутина «Живи и помни» по их адекватности оригиналу значительно отличаются друг от друга. Ближе к авторскому замыслу оказался перевод, выполненный Э.Ардтом. В отличие от своего западного коллеги А.Кэмпфе, ему в достаточно полной мере удалось воспроизвести авторские и национальные особенности произведения.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в четырех научных публикациях. Результаты исследования были представлены в докладе на региональной научной конференции «Город как культурное пространство»

(Тюмень, 20-21 февраля 2003), обсуждались на аспирантском семинаре и заседании кафедры истории русской литературы Тюменского государственного университета (2002-2004).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в дальнейшем изучении творчества В.Распутина, а также в разработке специальных курсов, лекций и семинаров не только по истории русской литературы XX века, но и по проблеме восприятия русской литературы на Западе.

Структура диссертации. Работа состоит из *введения*, трех глав, *заключения* и *списка литературы*, включающего 255 наименований, из них 73 – на немецком языке. Текст изложен на 163 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цель, задачи, научная новизна, положения, выносимые на защиту, обосновывается его методологическая база и практическая значимость.

В *первой главе «Валентин Распутин – представитель деревенской прозы»* осуществляется анализ основных тенденций изучения российскими литературоведами творчества писателя. Особое внимание уделяется выявлению общезначимости русской деревенской прозы для всей мировой культуры.

В *первом параграфе «Деревенская проза, ее истоки и эволюция»* деревенская проза осмысливается нами как завершающее, во многом итоговое, но не конечное звено в развитии русской литературы о деревне, как один из вариантов проявления литературного архетипа Деревня, присущего всей мировой культуре.

На сегодняшний день в кругу литературоведов и критиков по сравнению с 1970-80-ми годами отмечается угасание интереса к деревенской прозе как

предмету уже познанному и неактуальному. Сам факт ее изучения вызывает недоумение. Зачем, казалось бы, изучать то, чего уже нет. Считается, что деревенская проза вместе со своим главным предметом изображения – «сокрушенной и вымирающей деревней» (А.Солженицын) исчерпала себя и осталась в прошлом. Об этом говорили критики и литературоведы. Об этом свидетельствовали в своих высказываниях и сами писатели-«деревенщики».

Все суждения о закате деревенской прозы связаны, на наш взгляд, прежде всего, с тематическим направлением в ее восприятии, представляющим ее всего лишь прозой о сельской жизни и значительно обедняющим саму суть явления – феномена деревенской прозы, многоаспектность которого отмечалась рядом литературоведов уже в начале 80-х годов XX века. Деревенская проза исследовалась не только как собственно литературное, но и философское, социально-историческое, психологическое, этическое и эстетическое явление. В этой связи необходимо упомянуть работы Г.Белой⁵. Она одна из первых указала на философскую природу этого литературного феномена. Ею же была предпринята попытка заменить термин «деревенская проза» на «онтологическую прозу», однако новое название не смогло вытеснить старое, скорее всего, в силу многоаспектности данного направления.

Наметившийся в 1980-е годы поворот в осмыслении деревенской прозы, который расширил и углубил границы ее изучения, был продолжен в трудах современной исследовательницы А.Большаковой⁶, считающей деревенскую прозу самым влиятельным направлением в русской литературе второй половины XX века. Выводя эту прозу на мировой уровень, она осмысливает ее не только в рамках решения проблем народно-крестьянской жизни, но и в более широком контексте споров по вопросам национализма, феномена «русскости» (часто в

⁵Белая Г.А. Философско-этические проблемы современной литературы. М., 1982; Белая Г.А. Философско-этическая проблематика современной прозы // Гуманистический пафос советской литературы. М., 1982. С.37-56.

⁶Большакова А. Нация и менталитет: Феномен деревенской прозы XX века. М., 2000.

противовес «советскости») и по проблеме Россия – Запад. По ее мнению, деревенская проза оказала содействие в возвращении в общественное сознание русского народа подавленных, вытесненных, так сказать, «запрещенных» ментальных пластов. Реабилитация таких «репрессированных», подвергнутых презрительному отношению в сталинские времена понятий, как «деревня», «земля», «крестьянство», низведение которых непосредственно связано с угрозой исчезновения памяти о своем историческом прошлом у народа России, и определила цели и задачи писателей-«деревенщиков».

Несмотря на то, что творчество «деревенщиков» является, казалось бы, национальным достоянием русского народа, в отечественном литературоведении существует мнение (Д.Ольшанский⁷), что данное направление было рождено не в России, а на Западе и его основоположниками являются американцы-южане. Другой точки зрения придерживается немецкий исследователь К.Менерт⁸. Подчеркивая уникальность русской деревенской прозы на мировом уровне, он указывает на ее приоритетно русскую основу. Наметившийся спор о прародителе этой прозы является, с архетипической точки зрения, бессмысленным. Всеобщая мировая природа литературного архетипа Деревня, вытекающая из единой онтологической основы всех мировых менталитетов, доказывает это.

Архетип как выразитель универсальных, общечеловеческих ценностей присутствует в коллективном бессознательном каждого человека любой национальности, что, в свою очередь, и обуславливает их взаимопонимание. Архетип носит всеобщий характер, не зависит от времени и места и является этически нейтральным.

Вслед за А.Большаковой под литературным архетипом мы понимаем «сквозную модель», основополагающую, центростремительную силу, ответственную за организацию, направление и характер развития литературного

⁷Ольшанский Д. Север против Юга // Итоги. 2002. №36. 18 декабря.

⁸Mehnert K. Über die Russen heute: Was sie lesen, wie sie sind. Stuttgart, 1983.

процесса в целом. Организующе-структурный принцип литературного архетипа обозначается как «вариативность инвариантности: обладая способностью к бесконечным и непредсказуемым внешним изменениям, он одновременно таит в себе ценностное смысловое ядро, в своей неизменности обеспечивающее высокую смысловую устойчивость архетипической модели». Парадигма изменений архетипа составляет одну из самых мощных силовых линий в историко-литературном развитии: прохождение, видоизменение и нацеленность «сквозной» модели на последующее развитие определяют основные ментальные срезы, «золотое сечение» литературы как единого явления.

Литературный архетип Деревня, как и любой другой архетип, обладает рядом характеристик. Литературоведы выделяют специфическую модель развития Деревни, ее пространственно-временные характеристики, сюжетные ситуации, типологию героя, жанровые каноны, особенности ментальной природы. Модель развития Деревни, принципиально антиномична, она колеблется между ментальными полюсами «деревня как жестокая реальность» и «деревня как пастораль, идиллия», «рай утраченный» – «рай обретенный», онтологическими мифологемами умирания – возрождения. Пространство литературной Деревни вмещает в себя хронотопы дома, усадьбы, избы, сада. Оно ограничено, самозамкнуто и локально. Что касается темпорального поля архетипа Деревня, то оно, в отличие от линейно-хронологического исторического времени, подчиняясь сезонам природы, циклично и имеет ретроспективную направленность. Типология героя определяется такими сущностными образами, как образы «мудрого старика/старухи», «дитяти», «матери-земли». Многоуровневая структура архетипа Деревня, уходящая корнями в далекое прошлое, выстраивается, как считает А.Большакова, «от индивидуально-личностного опыта (воспоминаний автора и героев о деревенском детстве), через коллективный опыт деревенского сообщества – к обобщенно-символическому

уровню, на котором архетипический образ Деревни вырастает до символа всей России».

Деревенская проза становится, таким образом, своеобразным вариантом проявления литературного архетипа Деревня. Снижение же интереса к данному направлению, отмечаемое в кругах современных отечественных литературоведов, не означает, в свою очередь, исчезновение самого архетипа Деревня. Архетипы, лежащие в основе коллективного бессознательного и являющиеся основой любого менталитета, не поддаются сознательным усилиям человека. Поэтому вполне закономерно ожидать в скором будущем новую вспышку литературного узнавания архетипического образа деревни.

Качественную характеристику, которая впоследствии определяет национальные особенности конкретного народа, то, что стремятся постичь люди, проявляющие к этой национальности интерес, архетипу придает ментальность, под которой мы понимаем истоки национального бытия и сознания конкретного народа в определенной среде обитания. Одно из отличий российского менталитета заключается в его крестьянских традициях, не разстановившихся предметом произведений русских писателей.

С архетипической точки зрения деревенская проза берет свое начало глубоко в историко-литературном прошлом нашей страны, что позволяет рассматривать ее как преемницу традиций классической русской литературы. Писатели-«деревенщики» продолжают, как считают литературоведы, традиционную линию русской классики, проявившуюся со времен Н.Карамзина («Бедная Лиза») и А.Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), определившуюся в творчестве А.Пушкина («Капитанская дочка», «Дубровский», «История села Горюхино») и получившую развитие в произведениях Н.Гоголя («Мертвые души»), Л.Толстого («Война и мир»), И.Бунина («Деревня», «Суходол»), А.Чехова («Мужики», «В овраге») и в «новокрестьянской» школе XX века.

В развитии же самой деревенской прозы мы выделяем три периода. Первый период начинается со смерти И.Сталина в 1953 году и заканчивается снятием Н.Хрущева в 1964 году. В произведениях этих лет впервые оказались затронутыми последствия коллективизации и раскулачивания, а также трудности военного и послевоенного времени. Производственные очерки В.Овечкина «Районные будни» (1952-1956) и лирический философский дневник Е.Дороша предваряли появление целой литературной галактики, началом которой по праву считаются рассказ «Матренин двор» А.Солженицына (1959), «Братья и сестры» (1958) Ф.Абрамова, первые рассказы – главы «Последнего поклона» В.Астафьева, лирическая проза Ю.Казакова и В.Солоухина, «На Иртыше» (1964) С.Залыгина, «Привычное дело» (1966) В.Белова.

Второй, канонический период длился с 1964 года до начала 1980-х годов. Этот период завершился выходом в свет символической повести В.Распутина «Прощание с Матерой».

К третьему периоду относятся произведения, созданные с начала 1980-х годов вплоть до наших дней. Среди них повесть В.Распутина «Пожар», впервые опубликованная в журнале «Наш современник» (1985), его рассказы 1980-х годов, отмеченные мистическим началом, «Что передать вороне» (1981), «Век живи – век люби» (1982), «Не могу-у...» (1982), «Наташа» (1982), а также целый ряд рассказов 1990-х годов и, наконец, вышедшая в 2003 году новая повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». Данный период характеризуется отходом от тематического принципа, некогда выдвинутого исследователями в качестве решающего для определения деревенской прозы, и усилением публицистичности.

В современной русской литературе, кроме Валентина Распутина, проблемами сегодняшней деревни продолжают заниматься также Борис Екимов («Возвращение» 1998, «Фетисыч» 1996, «Наш старый дом» 1997 и др.) и Александр Титов («Полуночная свадьба» 1999, «Жизнь, которой не было» 2001).

Во *втором параграфе* «Творчество В.Распутина в оценке отечественного литературоведения» исследуется восприятие прозы и публицистики писателя российскими литературоведами и критиками. Особое внимание уделяется анализу критических оценок повести «Живи и помни».

О В.Распутине написано немало. Пишут в связи с публикацией новых произведений. И пишут с пристрастием о причинах отсутствия новых публикаций. Очень многое сегодня сходится на имени Валентина Распутина – и в литературе, и в общественной жизни. Однако последний серьезный разговор о Распутине, как утверждают сами критики, был годами в 1985-86-м, сразу после выхода в свет повести «Пожар». Тогда они «сколотили» обойму из трех вещей: айтматовской «Плахи», астафьевского «Печального детектива» и распутинского «Пожара». Эти книги стояли в одном ряду на самом краю очередного великого перелома, за которым началось время нравственного «раскулачивания» российского народа.

Спад интереса отечественных критиков и литературоведов к деревенской прозе отразился и на популярности творчества В.Распутина среди читателей. По сравнению с 1970-80-ми годами распутинские книги пользуются на сегодняшний день небольшим спросом. Даже выход в свет новой повести «Дочь Ивана, мать Ивана», которую, как утверждали сами критики, так долго ждали, не вызвала того читательского интереса, как когда-то вызывали «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой». Это объясняется либо усилением публицистического начала его произведений, либо мировоззрением и жизненной позицией писателя, «не приемлющего» ничего нового и прогрессивного. В.Распутина часто называют и «антисемитом», и «фашистом», и «фигурой искусственной, подменной, не способной выжить в условиях свободы», противником всего нового (в этом случае излюбленным примером критики является отношение главных героев из рассказов «Нежданно-негаданно», «В больнице» и повести «Дочь Ивана, мать Ивана» к телевизору: в первом и третьем

случаях его выбрасывают или разбивают, во втором – он отрицательно действует на душевное состояние персонажа). В отечественной науке существуют критики, которые, положительно отзываясь о ранних произведениях В.Распутина, считают его позднее творчество «хотя и не безоговорочным, настоящим провалом». Это – А.Агеев, Д.Быков, В.Оскоцкий⁹. В своих исследованиях они, игнорируя художественность, главным образом, сосредотачиваются на критике публицистичности произведений писателя.

Положительные оценки творчества В.Распутина исходят от таких известных литературоведов, как Н.Тендитник, Н.Котенко, И.Панкеев, С.Семенова, В.Курбатов и другие, которые и на сегодняшний день продолжают видеть в прозе В.Распутина «прямую линию от русской классики Достоевского и Бунина к нам и от нас уходящую в будущее» (В.Крупин). С его творчеством они связывают возрождение национальной памяти у русского народа и восстановление нравственного стержня, покоящегося на его народно-крестьянских традициях. Эти традиции угадываются в каждом распутинском произведении, даже в таком, как «Живи и помни», которое из-за своей военной проблематики не имеет, на первый взгляд, ничего общего с рядом «деревенских» произведений писателя. То же самое можно было бы сказать и о его новой повести, написанной на материале городской жизни. Однако при всем при этом В.Распутин был и остается писателем-«деревенщиком». Деревенская проза определяется не внешними рамками. Ее сутью становится возрождение и сохранение в человеке, независимо от того, горожанин он или сельский житель, нравственности. Сам Распутин указывает на то, что его произведение необходимо читать и осмысливать, прежде всего, с нравственной линии и финал повести – самоубийство Настены расценивать, в первую очередь, как «суровое испытание нравственного закона».

⁹Агеев А. Распутин новый и старый // Знамя. 1999. №6; Быков Д. Снасилъничали // Огонек. 2003. №44. декабрь; Оскоцкий В. Фашизм – реальность нашего времени // Известия. 2004. 25марта.

Глава вторая «Осмысление творчества В.Распутина в критике Германии» посвящена выявлению основных тенденций восприятия распутинской прозы критиками и литературоведами Германии в 1970-80-е годы.

Исходя из общезначимости архетипа Деревня для всех культур мира, в истории немецкой литературы можно отыскать периоды, когда деревня, втянутая в социальные преобразования, благодаря своей обзримости и наглядности жизненных процессов и взаимоотношений людей являлась самым благодатным и удачным материалом для представления и разработки общечеловеческих проблем и вопросов. Это – «областническая» литература (Heimatkunst) конца XIX – начала XX веков, «литература земли и крови» – «Blut-und-Boden-Dichtung» в 1930 годы, а также 50-е – первая половина 80-х годов XX века. Эти периоды отмечены всплеском общественного интереса к проблемам немецкой деревни. Несмотря на довольно яркое проявление литературного архетипа Деревня, учеными подчеркивается его незначительность для ментальности немецкого народа. Они объясняют это актуальностью и проблемностью крестьянской культуры на Западе.

Воздействие инационального писателя складывается, как правило, из двух факторов: объективного – особенностей творчества, и субъективного – свойств воспринимающего индивидуума, группы, среды. Первый фактор более или менее постоянный, мера возможности осмысления творчества писателя или его произведения не безгранична, но второй каждый раз предстает в ином виде, вследствие чего и изменяется итоговый результат – восприятие. Поэтому особое внимание в главе уделяется анализу общественной, исторически сложившейся ситуации, в русле которой воспринимались произведения писателей-«деревенщиков». Германия на момент прихода деревенской прозы была разделена на два государства с различным политическим строем и разной по идеологической и эстетической направленности литературой. В ФРГ и ГДР сложились таким образом два разных на ментальном уровне понимания мира и

Советского Союза, что в принципе мы и можем наблюдать, анализируя восприятие творчества Валентина Распутина западными и восточными немцами.

В *первом параграфе* «Творчество В.Распутина в литературной критике Западной Германии» представлен анализ восприятия распутинской прозы западногерманской критикой.

В 1960-70-е годы литературное дело в ФРГ, как утверждает В.Сорокина¹⁰, занимающаяся проблемой восприятия русской литературы на Западе, строилось по американскому образцу и сохраняло все основные моменты американской советологии. С одной стороны, советская литература 30-50-х годов противопоставлялась русской классике XIX века, а с другой стороны, советской литературе 20-х годов. Кроме того, постоянно говорилось о зависимости советской литературы от идеологии, политики и партийного руководства. Западногерманская критика отвергала все возможные усилия по рассмотрению советской литературы 1930-50-х годов в русле всемирного развития литературы и совершенно безоговорочно выводила социалистический реализм за рамки художественного метода.

Возрождение интереса к литературе Советского Союза ученые ФРГ связывают с появлением деревенской прозы, в том числе прозы В.Распутина, с обращением писателей-«деревенщиков» к традициям русской классической литературы (часто отмечается тяготение В.Распутина к художественно-стилевым манерам Ф.Достоевского и Л.Толстого), с возвращением к проблемам нравственного и морального поведения человека и отказом от использования метода социалистического реализма.

Западногерманские литературоведы и критики (М.Йегер, В.Казак, П.Рюль, Т.Хофманн, В.Шмид и др.) едины в своем мнении о том, что ориентация на

¹⁰Сорокина В. Изучение советской литературы 60-70-х гг. литературоведением ФРГ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1989. №6. С.20-27; Сорокина В. Советская проза в современной критике ФРГ // Русская классическая и советская литература за рубежом. М., 1988. С.126-136.

интерес к отдельной личности, к ее субъективным переживаниям, к проблеме познания самого себя явилась в то время единственно возможным плодотворным путем развития русской литературы. Смена предмета повествования: с изображения конфликта на его отражение в сознании героя повлекла за собой появление новых тенденций в поэтике В.Распутина, анализ и изучение которых оказались в центре внимания западных немцев (М.Агдештайн-Вагнер, Р.Нойхойзер, Х.Просс-Верт, Б.Шульце, Р.Шэпер). Актуальные в послевоенные годы для ФРГ проблемы утраты идеала, отчуждения человека и поиска его идентичности определили характер и аспект изучения творчества В.Распутина в большинстве работ западногерманских литературоведов (Р.Бирман, Й.Майхель, В.Шмид Р.Шэпер). Эти же проблемы оказались в центре внимания и в исследованиях по повести «Живи и помни». Интерес вызвал не столько сам факт дезертирства русского солдата, сколько его последствия для душевного состояния человека. Творчество В.Распутина, в основе своей созвучное проблемам западных немцев, способствовало развитию их интереса в решении этих проблем. Изучение вопроса велось в направлении от выявления причин и детального анализа процесса отчуждения между людьми к установлению явного несоответствия индивидуального начала с общественным. Обращение к проблемам идентичности явилось, таким образом, одним из каналов проникновения творчества В.Распутина в литературный процесс Запада Германии и обусловило адекватное восприятие его творчества.

Во *втором параграфе* «Творчество В.Распутина в литературной критике Восточной Германии» осуществляется анализ восприятия распутинских произведений критиками и литературоведами ГДР. Здесь же проводятся параллели между творчеством В.Распутина и творчеством восточногерманского писателя И.Новотного, стилистическая и поэтическая стороны которых близки друг другу.

Литература Восточной Германии в 70-80-е годы прошлого века была сильно зависима от литературы Советского Союза. Источником этой зависимости явились их отношения, построенные на оппозиции учителя (СССР), передающего опыт в построении социализма, и ученика (ГДР), безоговорочно воспринимающего его. Кроме того, данная зависимость проистекала из самой функции литературы в социалистическом обществе, которой отводилась роль воспитания и перевоспитания немецкого народа.

Огромному влиянию советской литературы и советского искусства на послевоенную Германию и на развитие литературы ГДР посвящено множество работ. Однако нельзя не заметить, что, воспринимая советскую литературу, в ГДР наибольшее внимание уделялось произведениям, в которых приукрашивалась действительность. Издавались те книги, где воображаемое идеальное состояние общества было показано как действительно существующее. Несколько необычный взгляд на действительность принесла с собой деревенская проза, в том числе проза В.Распутина. Восточногерманский читатель впервые смог увидеть вовсе не такие жизнерадостные, как преподносилось ранее, события, реально происходившие в Советском Союзе. ГДР, которая вслед за СССР стремилась к «светлому будущему», от такого положения вещей поначалу была просто шокирована. Критика пыталась отстраниться от действительности, указывая на то, что это «необходимо воспринимать несколько иначе», что это всего-навсего «сибирская экзотика России» (Б.Хиллер). Однако постепенно такая действительность стала реальностью и для самой ГДР. Об этом художественно поведали читателю произведения И.Новотного.

Одним из существенных тормозов в адекватном восприятии прозы В.Распутина стал недостаток информации о действительно происходящих событиях в жизни советского общества. Не случайно, что критика ГДР при оценке деревенской прозы в первую пору следовала, как правило, за критическими рецензиями СССР. Поначалу произведения писателя воспринимались только как

проза о русской деревне и быте, этнографическая сторона которой массового читателя заинтересовать была не в силах. Со временем критика и славистика ГДР, глубже проникая вслед за советскими исследователями в суть произведений В.Распутина, сделала существенный шаг вперед в осмыслении творчества русского писателя. Так, в начале 1980-х годов появился целый ряд статей и монографий, где восточногерманские литературоведы и критики (Г.Кремпиен, Н.Тун, Г.Шауман, А.Хирше) рассматривают произведения В.Распутина в более широких рамках, чем просто проза о деревне. Подчеркивалось, что сибирская тема является у Распутина всего лишь исходным пунктом для рассуждения о важнейших нравственных проблемах современности. Благодаря нравственному потенциалу своих произведений русскому писателю удалось вырваться за пределы сибирской деревни в мир, где этические проблемы актуальны для каждого человека.

В ходе анализа критических и литературоведческих статей, вышедших в 1970-80-е годы в ГДР, нами было обнаружено, что Восток Германии, отталкиваясь от советских исследований, свой основной интерес направлял на изучение тематической, идейно-содержательной стороны произведений, проблемных вопросов, актуальных для всего человечества. Они, как и их западные коллеги, стремились отыскать в прозе В.Распутина, в первую очередь, те черты, которые были бы общезначимы и для немецкой действительности, и для немецкого читателя – это вопросы совести и нравственности, ставшие основным средством коммуникации между писателем и его иностранным читателем.

Моменты непонимания причин поведения распутинских героев объясняются восточногерманскими литературоведами (Г.Кремпиен, И.Новотный, Б.Хиллер) понятием «загадочной русской души», различием ментальных характеристик людей разной национальности, особым мировоззрением русского человека, основной чертой которого, по мнению исследователей, является его патриархальность. Так, покорность и бездействие по отношению к своей судьбе,

берущие начало в патриархальности жизненного уклада русской деревни, явились, как считают критики, основной причиной гибели главной героини повести «Живи и помни» Настены.

В работах восточных немцев (Г.Кремпиен, Б.Тесмер) часто отмечается тесная связь творчества В.Распутина с природой. Это увязывается с биографией писателя, родившегося в деревне, где природа играет в жизни крестьян огромную роль. Это увязывается и с функцией, которую выполняет природа в его произведениях. Она привлекается Распутиным в психологические союзники главных героев, становится косвенным выражением их внутренних переживаний. Переломное душевное состояние человека, состояние между жизнью и смертью соответствует переломным моментам и в состоянии природы.

Появление на Востоке Германии деревенской прозы, в том числе прозы В.Распутина, укрепило стремление немецких писателей к освещению нравственных проблем. В своих произведениях они, как и их советские коллеги, обращают внимание читателя не столько на социальные преобразования деревни, сколько на их последствия, отражающиеся на душах людей.

Сходство событий и явлений, реально происходивших в России и на Востоке Германии в 1960-70-е годы и ставших материалом для разработки и изображения общечеловеческих проблем и вопросов, позволяет проводить литературные параллели между обеими странами, в частности между творчеством В.Распутина и творчеством восточногерманского писателя И.Новотного (1933).

Свою популярность И.Новотный завоевал книгами рассказов «Лабиринт без страха» («Labyrinth ohne Schrecken», 1967), «Воскресенье среди людей» («Sonntag unter Leuten», 1972) и романом «Некто по имени Робель» («Ein gewisser Robel», 1976). В начале 1980-х годов И. Новотный выпускает две повести «Последний выход статистов» («Letzter Auftritt der Komparsen») и «Прощальный танец в ритме «Диско» («Abschiedsdisco»), речь в которых идет о сложностях и проблемах, возникающих в результате стремительной индустриализации патриархально-

аграрных местечек Оберлаузица, родины восточногерманского писателя. По замыслу, сюжету, проблемам, поднимаемым писателем, эти произведения напоминают распутинские «Деньги для Марии» и «Прощание с Матерой».

Очевидное сходство поэтики произведений обоих писателей и учет того, что И.Новотный был знаком с творчеством русского писателя (в 1977 году в журнале «Neue Deutsche Literatur» вышла его статья, посвященная изучению проблематики повести «Живи и помни»), открывают, на наш взгляд, огромные возможности для дальнейшего изучения и сопоставления творчества этих двух художников слова.

Таким образом, в 1970-80-е годы творчество В.Распутина интенсивно изучалось и в ФРГ, и в ГДР. В современной же Германии Распутина практически не читают и не изучают. По сведениям Ю.Архипова, в 1990-е годы у Распутина была переведена лишь одна книга. Российско-германский диалог в рамках новейшей переводной литературы, если брать не количественную, а качественную ее сторону, как утверждает критик в своей статье «Гибель богов по-русски и по-немецки», сегодня практически не ведется.¹¹

Постановка вопроса: почему немцы в первую очередь переводят Л.Петрушевскую, В.Маканина, В.Пелевина, В.Сорокина или В.Ерофеева, а не В.Распутина или В.Шукшина, объясняется, на наш взгляд, не только коммерческими интересами издателей, «наваривающих деньгу» (Ю.Архипов), но и той оценкой, которую получает конкретное произведение в отдающей литературе. Как известно, деревенская проза, в том числе проза В.Распутина, не вызывает у современных критиков того пристального внимания, каким она пользовалась в 70-80-е годы XX века. Однако появление в отечественном литературоведении работ, где творчество «деревенщиков» соотносится с современным мировым литературным процессом и рассматривается в более широких рамках, нежели чем просто русская проза о деревне, дает надежду на то, что к деревенской прозе вновь возникнет интерес, как когда-то она

¹¹Архипов Ю. Гибель богов по-русски и по-немецки // Литературная газета. 2002. №22. 29 мая – 4 июня.

сама явилась причиной возрождения интереса у западного читателя к русской литературе вообще.

В *третьей главе «Проблемы перевода прозы В.Распутина на немецкий язык»* раскрывается роль художественного перевода – основной формы восприятия творчества инонационального писателя – для адекватного осмысления произведений В.Распутина в Германии, авторские и национальные особенности которых вызывают при переводе наибольшие затруднения.

В *первом параграфе «Перевод как основная форма восприятия инонационального писателя»* определяется значение и место художественного перевода в проблеме восприятия инонационального писателя. Исследуются возможности когнитивной теории перевода для адекватной передачи авторских и национальных особенностей переводимого текста.

В международной судьбе любого художественного произведения перевод является той первичной предварительной стадией, от которой впоследствии зависят последующие стадии, а именно восприятие этого произведения иностранными читателями, затем оценка его в зарубежной критике и, наконец, возможность его влияния на общественное сознание и на литературный процесс принимающей страны. Являясь основной формой восприятия, перевод обладает двояким смыслом. С одной стороны, он вводит писателя в новую литературу, тем самым, обогащая ее. Но, с другой стороны, «обогащается» и сам переводимый писатель.

Сегодня в теории перевода сосуществуют различные дефиниции основного понятия. Для нас важно выделить ту, что непосредственно тяготеет к проблеме восприятия, ту, которая позволила бы проникнуть в глубины менталитета носителя языка и объяснить языковые явления через культуру народа. На наш взгляд, с этой задачей отлично справляется когнитивная теория перевода, основным принципом которой является герменевтический подход к тексту.

На Западе, в частности в Германии, эта теория широко представлена и

разработана в трудах известного немецкого лингвиста В.Вилсса. Теория перевода, по мнению В.Вилсса, должна изучать не объективные, физические объекты, а идеальные объекты – мыслительные действия и операции. В центре внимания исследователя оказывается, таким образом, когнитивная деятельность переводчика, действия которого должны зависеть как от оригинала, так и от читателей перевода. Чем точнее переводчик определит для себя (объективно и субъективно) те требования, которые предъявляются к его деятельности, тем успешней будет результат.

В России сторонниками когнитивной теории перевода или, как они ее сами называют, деятельностью являются представители Тверской школы переводоведения Н.Галеева, Г.Богин и другие. Суть предлагаемой ими теории состоит в исследовании авторской программы оригинала, определяющей способы дальнейшей деятельности переводчика с исходным текстом, и построение текста перевода, максимально близкого, адекватного по содержательной программе тексту оригинала. Адекватным признается, в свою очередь, такой перевод, который способен обеспечить реципиенту вторичного текста возможность усматривать и понимать содержательность, состоящую из содержания – суммы линейно представленных пропозиций – и некоторой конфигурации смыслов и идей, максимально близкую содержательности, усматриваемой и понимаемой реципиентом оригинала. Исследователь-переводчик, таким образом, ведет работу в направлении, обратном естественному ходу событий. Ему необходимо от готового результата – текста вернуться к истоку, реконструировав при этом замысел автора оригинала. Основным конструктом этой деятельности выступает понимание, т.е. постижение, уяснение смысла.

В целом наборы смыслов, бытующих в человеческой мыследеятельности, являются межкультурными и общечеловеческими, что и представляется главным условием возможности перевода и межнационального взаимопонимания. Согласно мысли В.Гумбольдта – «язык народа есть его дух, а дух народа есть его

язык» – особенности мировоззрения конкретного народа, его национальная специфика находят свое отражение в лексике используемого им языка и, прежде всего, в элементах фольклора: пословицах, поговорках, присказках, народных изречениях и мудростях. Задача переводчика художественного текста состоит, таким образом, в том, чтобы проникнуть в суть этих фразеологических единиц оригинала и суметь донести их смысл до своих читателей, сохранив, с одной стороны, его национальный колорит, а с другой стороны, сделать восприятие перевода доступным для носителей совершенно иной ментальности. Игнорирование этого требования приводит к утрате его индивидуальной окраски и к тому, что по вызываемому впечатлению оно будет совпадать с каким-либо другим, но все же не тождественным произведением литературы.

В результате частого несоответствия двух текстов – оригинала и его перевода – возникает вопрос о самой возможности перевода, который в рамках когнитивного подхода к языку выливается, на наш взгляд, не в проблему непереводимости, как это имело место быть в традиционной теории перевода, а в проблему непонятости, нераспознанности переводчиком смыслов, заложенных автором оригинала. Вслед за С.Влаховым и С.Флориным мы считаем, что непереводимой, т.е. нераспознанной может быть только реалия, передающая национальное и историческое своеобразие конкретного народа.

Реалии крестьянского быта, а также местная, народно-диалектная лексика и фразеология, представляющие собой переводческую проблему, являются в творчестве В.Распутина не случайным, разовым обращением к сибирской речи, как постоянному, стилистически обновляющемуся источнику литературного языка, а ведущим художественным приемом создания текста. Этот прием должен обязательно учитываться переводчиком, ибо он не только несет в себе особенность стиля В.Распутина, но и выражает национальную специфику русского народа в сибирском ее повороте.

Во **втором параграфе** «Анализ переводов повести «Живи и помни» на немецкий язык» впервые осуществляется сравнительный анализ немецких переводов этой повести на предмет адекватности передачи национальных и авторских особенностей произведения, выраженных в использовании писателем реалий крестьянского быта, местной, народно-диалектной лексики и фразеологии. Подобный анализ позволяет выявить, насколько адекватно представлено творчество В.Распутина в немецкой литературе.

В Германии В.Распутина в 70-80 годы XX века переводили довольно много. Со всеми его знаменитыми повестями и большинством рассказов немецкий читатель имел возможность познакомиться.

Наибольшей популярности достигла повесть «Прощание с Матерой». По поводу ее перевода, выполненного Е.Панциг, в ГДР состоялась дискуссия, в которой приняли участие видные немецкие переводоведы В.Кройцигер, Т.Решке, Г.Тиле. Позднее спор о критериях качества перевода продолжили Р.Корес и Л.Эндерс. В дискуссии выяснилось, что оценка качества перевода не может быть ни непререкаемо точной, ни непререкаемо единственной, какие бы научно обоснованные подходы ни использовал критик. Она зависит, в первую очередь, от понимания творческой индивидуальности переводчика и его творческой установки.

Переводчик – это художник особого ряда, существующий со своим искусством на пограничной полосе соприкосновения двух культур, двух ментальностей, но обращающийся всегда только к своему читателю. В талант переводчика входит умение разыгрывать заданные сюжеты, добиваться в своих (то есть иных, чем у автора) условиях того же впечатления, которое подлинник производил в своих условиях.

Объект нашего интереса – повесть «Живи и помни» существует на немецкой земле в двух вариантах. Один был сделан западногерманским переводчиком Александром Кэмпфе в 1976 году и опубликован под названием «In den Wäldern

die Zuflucht», что означает «Убежище в лесу». Другой вариант появился на Востоке Германии в 1977 году под заголовком «Leb und vergiß nicht», что дословно означает «Живи и не забывай». Перевод был выполнен Эрихом Арндтом.

На наш взгляд, перевод заглавия повести, в задачи которого входит, с одной стороны, привлечение внимания читателя, а с другой – настрой его на получение определенной информации, во втором случае был более удачным, чем в первом. Идея произведения, аккумулированная в названии «Живи и помни», точно и адекватно, вплоть до сохранения грамматических и синтаксических конструкций, передается Э.Арндтом выражением «Leb und vergiß nicht». Заголовок «In den Wäldern die Zuflucht» отражает иное понимание смысла произведения от того, который закладывался В.Распутиным. При переводе А.Кэмпфе, прежде всего, внимание обратил на проблемы отчуждения человека и поиска его идентичности, поставив таким образом в центр внимания не Настену, «ради которой задумывалось и писалось произведение» (В.Распутин), а ее мужа Андрея, который, убегая от людей, скрываясь в лесу, проходит все стадии отчуждения вплоть до потери своего собственного «Я».

Необходимо отметить тот факт, что на Западе Германии перевод повести «Живи и помни» осуществлялся на основе ее первого варианта, вышедшего в 1974 году в журнале «Наш современник» №10, 11. В Восточной Германии Э.Арндт руководствовался уже переработанным и дополненным вариантом повести, в котором она существует и на сегодняшний день.

В ходе анализа текстов мы обнаружили, что Валентином Распутиным был внесен целый ряд изменений и дополнений. Расширение и углубление писателем психологических характеристик главных героев повлекли за собой изменение в расстановке смысловых акцентов, которое, в конечном счете, отразилось и в переводах. Таким образом, переводы, выполненные на Востоке и Западе Германии, уже изначально отличаются друг от друга.

В языковом оформлении повести вариант Э.Ардта представляется нам более удачным и приближенным к народной речи. Те приемы, которые выбирает переводчик при переводе диалогов – опущение личных местоимений, личных окончаний у вспомогательных глаголов и использование кратких форм при ответах на вопросы – создают естественную атмосферу разговора. Диалоги же в переводе А.Кэмпфе звучат неправдоподобно и неестественно, поскольку в повседневной обстановке ни русские, ни немцы так не говорят.

В результате сравнительного анализа переводов повести «Живи и помни» на предмет адекватности передачи национальной, конкретнее – сибирской специфики русской культуры, представленной у Распутина местной, народно-диалектной лексикой и фразеологией, мы пришли к выводу о том, что перевод Э.Ардта адекватно воспроизводит основной замысел оригинала и в достаточно полной мере передает особенности крестьянско-деревенского менталитета простых людей и своеобразие их речи. В переводе А.Кэмпфе, явно увлекающегося проблемами идентичности, наблюдается тенденция к упрощению текста и освобождению его от авторских особенностей, ведущая в итоге к выхолащиванию национального духа всей повести.

В *заключении* подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих *публикациях* автора:

1. Критерии оценки качества перевода художественного текста (на материале повести В.Распутина «Живи и помни») // Вестник ТюмГУ. 2001. №4. С.200-206.
2. Проблема адекватности перевода прозы В.Распутина на немецкий язык (повесть «Живи и помни») // Вестник ТюмГУ. 2002. №2. С.227-234.

3. Проблема «город – деревня» и проза Валентина Распутина // Город как культурное пространство: Материалы региональной научной конференции. Тюмень, 2003. С. 270-276.

4. Деревенская проза, ее истоки и эволюция // Вестник ТюмГУ. 2005. №4. (в печати).

Соискатель

О.В. Бадрылова